

портретной живописи, а также наступивший вскоре после его реформ расцвет новой «фряжской» придворной иконописи заслонили от Аввакума подлинные взгляды патриарха на иконопись в собственном смысле. Этому способствовало и то, что особенное возмущение в среде раскола вызвали портреты самого Никона, охотно позировавшего художникам,⁸⁰ так как портретное изображение современного архиерея считалось раскольниками равнозначным иконному изображению святого.⁸¹ В таком смысле оценивал портреты Никона Авраамий. «Рцы ми ты паче... Никоне, — обращался он к патриарху, — не ты ли, погибельниче, возшел на патриархию, безместно дерзнул еси написать икону свою, подобозрачнаго зверя, зверя, исходящего из бездны, тело злобы, тело мертвого пса, оболочено святительскою одеждою и поставлено на месте святе? О, дерзости! О, презерства! О падения!».⁸²

Однако воспоминания Павла Алеппского сохранили интереснейшие свидетельства о том, как Никон во время своей проповеди в Успенском соборе подверг надругательству новые иконы, которые «некоторые из московских иконописцев стали рисовать по образцам картин франкских и польских».⁸³ Изъяв эти иконы «даже из домов государственных сановников», Никон «выколол глаза» у них, после чего стрельцы носили их по улицам с позором и угрозами.⁸⁴ Никон говорил, что такая живопись «недозволительна», что она «подобна изображениям франков». При этом патриарх «брал эти образы правою рукою один за другим, показывал народу и бросал на железные плиты пола, так что они разбивались, и приказал их сжечь».⁸⁵ Царь же уговорил его зарыть их в землю, что и последовало.

Эти необдуманно поспешные действия Никона настолько противоречили общему направлению развития русской феодальной культуры, что в скором времени в кругах придворных иконописцев была сделана попытка полностью освободить патриарха от подобных компрометирующих его реформы поступков. Иосиф Владимиров всячески старался отклонить упреки Плешковича по адресу Никона в том, что он «живописных икон не приемлет» и «на Москве посреде соборной церкви живописные иконы поверг и соскребати велел» (56). Эти справедливые утверждения Плешковича дискриминировались в качестве религиозно-политического преступления.

«И таковым изветом, — заявлял Владимиров, — не малу бурю иконоборства в народе воздвизаешь. Люто бо и тлетворно слово простым и неутверженных человек во уши дышешь на великаго государя, святейшаго

⁸⁰ См. портреты Никона в кн.: Е. С. Овчинникова. Портрет в русском искусстве XVII века. Материалы и исследования. Изд. «Искусство», М., 1955, стр. 87, табл. XII, XIII.

⁸¹ Следует заметить, что и в среде придворных художников икона и портрет различались мало (если речь шла о царском портрете). Владимиров, сопоставляя царские портреты с иконами Христа, писал: «Аще земнаго царя икону страха ради поуждаемися чтити, то како небснаго (царя) не убоялся еси живописный Христос образ уничижити?» (46).

⁸² Авраамий. Христианоопасный щит веры. — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Субботина. Т. VII. М., 1885, стр. 199.

⁸³ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. Вып. 3. М., 1898 (далее: Павел Алеппский), стр. 136.

⁸⁴ В народе распространилось мнение, что Никон поступает с иконами так, как некогда «делали иконоборцы», что по его указу на иконе Спаса было «лице выскребано». В этом стали усматривать причину уже начавшейся в Москве эпидемии чумы, и 25 августа 1654 г. произошел бунт против Никона (см.: Н. Гиббнет. Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. II. СПб., 1884, стр. 474—475).

⁸⁵ Павел Алеппский, стр. 137.